

Оглавление

- 9 Предисловие
- 19 Глава первая. **«Час ноль»?**
- 33 Глава вторая. **Среди развалин**
- 64 Глава третья. **Великое переселение народов**
- 122 Глава четвертая. **Танцевальная мания**
- 149 Глава пятая. **Любовь '47**
- 207 Глава шестая. **Грабежи, рacionamento
продуктов, черный рынок – первые уроки
рыночной экономики**
- 251 Глава седьмая. **Поколение «Фольксваген Жук»
занимает свое место в строю**
- 305 Глава восьмая. **Перевоспитатели**
- 341 Глава девятая. **Холодная война искусства
и дизайн демократии**
- 377 Глава десятая. **Звук вытеснения**
- 409 Послесловие: счастье
- 415 Примечания
- 453 Список литературы
- 469 Указатель имен
- 477 Список изображений

Берлин, май 1945 года

Предисловие

18 марта 1952 года в газете Neue Zeitung появилась статья писателя и редактора Курта Кузенберга. Она называлась «Нет ничего само собой разумеющегося. Гимн эпохе бедствий». Всего через семь лет после окончания войны автор в своей статье предаётся тоске по той растерянности и беспомощности, которая овладела людьми в первые мирные дни. Несмотря на то что все остановилось — не работали ни почта, ни железная дорога, ни общественный транспорт; несмотря на бездомность, голод и все еще гниющие под завалами трупы, это время воспринимается им как старые добрые времена. Люди после войны, «словно дети, принялись чинить разодранную в клочья сеть человеческих отношений». Словно дети?..

Кузенберг настойчиво рекомендовал своим читателям вспомнить это «страшное, зловещее, оборванное, голодное и холодное время», это безвременье, когда в отсутствие государственного порядка разобщенный, раздробленный, рассеянный народ создавал новую мораль и новые социальные основы: «Порядочность теперь не означала, что нельзя ловчить и хитрить, а то и красть еду. Однако в этой полуразбойничьей жизни была своя разбойничья честь, возможно, более нравственная, чем сегодняшняя чугунная совесть».

Звучит это странно. Так ли уж оно привлекательно, это время с его «разбойничьей честью», с его невинностью? То, что объединяло немцев до конца войны, теперь — к счастью — было полностью разрушено. Старый порядок остался в прошлом, новым пока еще и не пахло, решением насущнейших проблем пока занимались победители-союзники. 75 миллионов человек,

которые сбились в кучу летом 1945 года на территории, некогда звавшейся Германией, едва ли можно было назвать народом. Эту эпоху стали называть «безвременьем», или же «волчьим временем», когда человек стал человеку волком. То, что каждый заботился только о себе или о своей стае, определяло облик страны до начала пятидесятых, когда жизнь уже более или менее наладилась, но люди все еще упорно стремились обратно в семью как свое индивидуальное убежище. Даже в пресловутом «господине Онэмихеле»*, том типе аполитичных немцев, составлявших большинство населения, излюбленном объекте критики общественной организации «Солидарность», уже во второй половине пятидесятых все еще прятался — под личиной добропорядочного гражданина — волк, до состояния которого скатился в 1945 году бывший доблестный «фольксгеноссе»**.

Более половины людей на территории послевоенной Германии находились не там, где им следовало или где они хотели бы находиться, в том числе девять миллионов эвакуированных и бездомных, лишившихся жилья в результате бомбежек, четырнадцать миллионов беженцев и депортированных, десять миллионов угнанных в Германию на работу с оккупированных территорий и освобожденных узников концентрационных лагерей, а также миллионы военнопленных, которые постепенно возвращались домой. То, как эта человеческая мешанина, все эти оторванные от своих семей, от своих корней, угнанные в рабство, чудом выжившие и оказавшиеся на свободе люди постепенно вновь социализировались и взаимодействовали друг с другом, как «фольксгеноссе» вновь становились гражданами, и стало темой данной книги.

* От нем. *ohne mich* — «без меня». — *Прим. пер.*

** *Volksgenosse* (нем.) — существовавшее во времена третьего рейха обращение «товарищ по нации», в отличие от «партайгеноссе» («товарищ по [национал-социалистической] партии») и «геноссе» (товарищ» как обращение, бывшее в ходу у немецких коммунистов). — *Прим. ред.*

Это одна из тех историй, которые могут затеряться в тени великих исторических событий. Однако важнейшие перемены зрели и зарождались в обыденной жизни, в самых прозаичных, будничных процессах, таких как добыча пропитания, мародерство, купля-продажа, обмен товарами. Или любовь. Война породила неумемную жажду сексуальных приключений, но принесла и немало горьких разочарований, связанных с долгожданным возвращением мужчин домой. Многие люди увидели другими глазами, многое хотелось начать сначала; число разводов росло в геометрической прогрессии.

Коллективное воспоминание о послевоенном времени въелось в память в виде каких-то характерных образов эпохи: русский солдат, вырывающий из рук женщины велосипед; безликие фигуры на черном рынке, торгующиеся из-за пары яиц; ниссеновские бараки*, в которых размещали беженцев и тех, чьи дома были разрушены; женщины, с надеждой показывающие возвращающимся военнопленным фото своих пропавших без вести мужей. Эти немногие, но необыкновенно яркие образы, словно закольцованный немой фильм, четко структурировали первые послевоенные годы в общественной памяти. При этом добрая половина послевоенной жизни в этот фильм не попала.

Если обычно воспоминание окрашивает прошлое по мере его отдаления во всё более мягкие тона, то с послевоенным временем дела обстоят наоборот. С годами оно представляется все более мрачным. Одна из причин заключается в характерной для многих немцев потребности считать себя жертвами. Чем страшнее изображают и в самом деле жуткую голодную зиму 1946–1947 годов, тем меньше — во всяком случае, так, судя по всему, полагают многие — их вина.

* Тип сборного полукруглого строения с каркасом из гофрированной стали, который использовался в различном качестве в период Первой и Второй мировых войн. Назван по имени британского горного инженера и изобретателя Питера Нормана Ниссена, который в 1916 году получил на это изобретение патент. — *Прим. пер.*

Вот уже снова звучит смех. По зловеще обезлюдевшему Кёльну в 1946 году уже вновь движется спонтанное карнавальное шествие. Журналистка Маргрет Бовери вспоминала, что «чувство остроты жизни невероятно усилилось из-за близости смерти». В те годы, когда ничего нельзя было купить, она была так счастлива, что позже решила вообще отказаться от крупных покупок.

Страдания не понять без той радости, которая им сопутствует. Одни, избежав гибели, погружаются в апатию, другие испытывают бурную, невиданную радость бытия. Привычный уклад жизни был уничтожен, семьи разрушены, старые связи утрачены, но судьба заново перемешивала людей, как колоду карт, и те, кто был молод и не боялся жить, воспринимали послевоенный хаос как своего рода народные гуляния, на которых надо было день за днем искать свое счастье. Как это счастье свободы, которое едва успели почувствовать многие женщины, так быстро улетучилось в годы подъема? А может быть, оно вовсе не исчезало в той мере, как это представлено в уже привычных нам карикатурных изображениях пятидесятих годов?

Холокост в послевоенные годы занимал поразительно мало места в сознании большинства немцев. Многие, правда, знали о преступлениях на Восточном фронте и признавали определенную коллективную ответственность за то, что эта война вообще была развязана, но убийство миллионов немецких и европейских евреев не находило отклика ни в их умах, ни в их сердцах. Лишь немногие, например философ Карл Ясперс, публично поднимали эту тему. Евреи не упоминались даже в признаниях вины евангелической и католической церковей — признаниях, ставших предметом долгих дискуссий.

Неспособность даже представить себе такое явление, как Холокост, распространилась и на весь немецкий народ. Преступления были настолько масштабны, что вытеснялись из кол-

лективного сознания еще в момент их совершения. А тот факт, что даже, казалось бы, вполне добропорядочные люди не желали думать о дальнейшей судьбе депортированных соседей, и по сей день подрывает веру в человеческий род. Особенно, конечно, это касается большинства тогдашних граждан Германии.

Вытеснение из сознания и замалчивание лагерей смерти продолжилось и после войны, хотя союзники пытались принудительно, с помощью, например, таких фильмов, как «Мельницы смерти»*, напоминать побежденным о преступлениях нацистского режима.

Гельмут Коль говорил о «благодати позднего рождения», о том, что младшим поколениям «легко судить» своих отцов. Однако была еще и благодать пережитых ужасов. Воспоминания о ночных бомбежках, суровых голодных зимах первых послевоенных лет и борьба за выживание в условиях хаоса и разрухи отбивали у многих немцев желание задумываться о прошлом. Они сами чувствовали себя жертвами и не желали утруждать себя мыслями о подлинных жертвах. Ибо у тех, кому удалось, насколько это было возможно, сохранить честь и совесть и кто теоретически мог бы в полной мере осознать масштаб массовых убийств, систематически совершавшихся от их имени благодаря их терпимости и нежеланию замечать происходящее, просто не хватило бы на это мужества и сил, которые были нужны для другого — чтобы выжить в послевоенные годы.

Инстинкт самосохранения отключает чувство вины. Это коллективный феномен, который наглядно проявился именно в послевоенный период и сильно подточил веру людей в человека как такового и в собственное «я». Как на основе вытеснения и извращения исторических фактов тем не менее смогли воз-

* «Death Mills» (1945) — первый документальный фильм об освобождении узников концлагерей, смонтированный Билли Уайлдером и Ханушем Бургером. Большая часть семьи Уайлдера погибла в Освенциме. — *Прим. ред.*

никнуть два таких разных антифашистских, вполне уважаемых общества, — остается загадкой. Попытка разгадать ее посредством анализа тяжелейших условий послевоенной жизни и весьма своеобразных стилей этой жизни и составляет задачу предлагаемой книги.

Хотя такие книги, как «Дневник Анны Франк» или «Эсэсовское государство. Система немецких концентрационных лагерей» Ойгена Когона, мешали этому вытеснению, многие немцы лишь с 1963 года, после судебных процессов, связанных с Освенцимом, начали всерьез задумываться о злодеяниях, совершенных германским нацизмом. В глазах следующего поколения они дискредитировали себя не в последнюю очередь именно этой отсрочкой, хотя их детям такая практика вытеснения принесла немалую материальную выгоду. В истории с трудом можно найти примеры конфликта поколений, протекающего с таким ожесточением, с такой злостью и в то же время с такой уверенностью в собственной правоте, как между молодыми немцами — так называемым поколением 1968 года — и их учеными наставниками.

Наше впечатление о послевоенных годах сложилось под влиянием воспоминаний тех, кто был тогда молод. Дети с антиавторитарными взглядами испытывали настолько сильную неприязнь к поколению своих отцов — к которому и правда было трудно испытывать большую симпатию, — а их критика была настолько изощренной, что миф об удушающей все живое затхлости, которую они, молодые, стремились побороть, до сих пор определяет образ пятидесятых, несмотря на то что исследования этой эпохи дают более сложную картину. Поколение немцев, родившихся в конце 1940-х и начале 1950-х, охотно позиционирует себя как поколение, оздоровившее жизнь в ФРГ и вдохнувшее живую душу в демократию, и неустанно подогревает этот образ. В самом деле, засилье представителей старой национал-социалистической элиты в различных ведомствах новой республики

не могло не вызывать возмущения, как и легкость, с которой нацистские преступники получали амнистию. Однако во время сбора материалов для данной книги автор то и дело находил подтверждения тому, что послевоенное время было более неоднозначным, отношение к жизни — более открытым, интеллигенция — более критически настроенной, спектр взглядов — более широким, искусство — более новаторским, а будни — более противоречивыми, чем это до сих пор пытаются представить с точки зрения поворотного 1968 года.

Существует еще одна причина, по которой четыре первых послевоенных года в значительной мере остались белым пятном в исторической памяти. Среди важных периодов и разделов изучения они представляют собой своего рода лагуну, период безвременья, за который, мягко выражаясь, никто не отвечает. Одна важная глава школьной истории посвящена национал-социалистическому режиму, прекратившему свое существование с капитуляцией Вермахта, другая — истории ФРГ и ГДР, которая начинается в 1949 году и сосредоточена главным образом на денежной реформе и блокаде Берлина как прелюдии к образованию этих двух государств. Годы же, отделяющие окончание войны от денежной реформы и «немецкого экономического чуда», — в определенном смысле потерянное время для историографии, потому что в нем отсутствует институциональный субъект. Наша историография, в сущности, все еще строится как национальная история, в центре внимания которой лежит государство как политический субъект. Но судьбы немецкого народа с 1945 года определяли четыре политических центра: Вашингтон, Москва, Лондон, Париж — не самые подходящие предпосылки для построения национальной истории.

Описание преступлений против евреев и вывезенных в Германию на принудительные работы тоже чаще всего заканчивается счастливым освобождением выживших жертв нацизма союзными войсками. Но что стало с ними потом? Что делали

около десяти миллионов обессилевших от голода, угнанных на чужбину узников в стране своих мучителей и убийц их родных и близких? То, как взаимодействовали друг с другом солдаты союзных войск, побежденные немцы и освобожденные узники, относится к самым мрачным, но интереснейшим сторонам послевоенной действительности.

В нашей книге акценты постепенно смещаются от социальных аспектов жизни, от расчистки завалов, любви, воровства и купли-продажи к аспектам культурным, к духовной жизни и эстетике. Острее встают вопросы совести, вины и вытеснения. На первый план выступают разные формы денацификации, у которой есть и эстетическая сторона. То, что именно дизайн 1950-х годов снискал себе такую стойкую славу, объясняется его поразительной действенной силой: преображая окружавшую их действительность, немцы и сами изменялись. Но кто на самом деле так радикально изменял окружающий мир — немцы или все же кто-то другой? Параллельно с расцветом дизайна разгорелись споры об абстрактном искусстве, немалую роль в которых играли и оккупационные власти. Речь шла об эстетическом оформлении обеих немецких республик, о чувстве прекрасного в условиях холодной войны, ни больше ни меньше. В этом противостоянии участвовало даже ЦРУ.

После войны люди больше, чем сегодня, были склонны к серьезным разговорам, неустанно предавались глубокомысленным рассуждениям, эстетствовали, как будто можно легко, плавно вернуться к манерам, которые ушли в прошлое вместе со славным XIX веком. Сегодня мы знаем о Холокосте очень много. Гораздо меньше мы знаем, как можно было спокойно жить дальше, имея в анамнезе такой зловещий недуг. Как может говорить о нравственности и культуре народ, от имени которого были убиты миллионы людей? Может, ему вообще следует отказаться от разглагольствований о порядочности и предоставить детям самим разбираться в том, что есть зло, а что — добро?

Толкователи в СМИ и другие институции работали на полную мощность, стремясь внести свой вклад в восстановление общества. Все говорили о «жажде смысла». Философствование «на обломках существования» направило сознание на путь духовного мародерства. Смысл стали воровать так же, как воровали картошку.

Глава первая

«Час ноль»?

Когда все было кончено – и все началось

Театральный критик Фридрих Люфт пережил конец войны в подвале берлинской виллы неподалеку от Ноллендорфплац. Там, в полумраке, пропитанном «запахом дыма, крови, пота и сивухи», он вместе с другими товарищами по несчастью отсиживался в последние дни решающей битвы. В подвале было безопаснее, чем в квартирах, находившихся под перекрестным огнем Красной армии и Вермахта. «Наверху был ад. Осторожно выглянув в окошко, можно было увидеть немецкий танк — как он беспомощно полз по охваченной огнем улице, останавливался, стрелял, поворачивался, полз дальше. Время от времени по развороченной снарядами мостовой перебежками, от укрытия к укрытию, спешил куда-то какой-нибудь штатский. Из разбитого горящего дома выскакивала женщина с детской коляской и неслась в направлении ближайшего бомбоубежища»¹.

Одного старика, который постоянно торчал у подвального окошка, на куски разорвало снарядом. Как-то раз в подвал занесло кучку солдат из штаба верховного главнокомандующего Вермахта — это были «озлобленные, сломленные, больные типы». У каждого была с собой коробка со штатской одеждой — «на всякий пожарный случай», как они выразились: чтобы вовремя смыться. Какой же им еще нужен был «пожар-

ный случай»? «Катитесь отсюда поскорее!» — шипели на них обитатели подвала. Никому не хотелось быть с ними рядом, «когда речь идет о жизни и смерти». Мимо провезли на тележке труп блокквартира*, которого еще вчера все боялись как огня; он выбросился из окна.

Кто-то вдруг вспомнил, что в доме напротив видел груды знамен со свастикой и портретов Гитлера. Несколько смельчаков отправились туда, чтобы сжечь все это, пока не поздно, пока не пришли русские. Потом ружейный огонь снова усилился, и когда театральный критик осторожно выглянул на улицу из подвального окошка, он увидел эсэсовский патруль, нескольких солдат, которые тоже выглядывали из-за обломков стены дома напротив. Этим типам «не лень было в такие минуты в последний раз прочесывать местность в поисках дезертиров», чтобы напоследок прихватить с собой в могилу еще хоть кого-нибудь. «Потом все стихло. Когда мы, выждав какое-то время, показавшееся нам вечностью, осторожно поднялись по узкой лестнице вверх, шел мелкий дождь. На домах по ту сторону Ноллендорфплац развевались белые флаги. Мы тоже соорудили себе из подручных тряпок белые повязки на рукава. И тут появились двое русских. Они перелезли через те самые обломки стены, из-за которых выглядывали эсэсовцы. Мы подняли руки вверх, потом показали на наши белые повязки. Русские улыбнулись и махнули рукой. Война кончилась».

«Час ноль», как это стали называть позже, пробил для Фридриха Люфта 30 апреля. В 640 километрах дальше на запад, в Ахене, война закончилась еще полгода назад: город был взят американскими войсками в октябре 1944-го. В Дуйсбурге, в той части города, что расположена на левом берегу Рейна, война закончилась 28 марта, в правобережной части города — на шестнадцать

* Должностное лицо нацистской партии, отвечавшее за работу местных (квартирных) ячеек НСДАП. — *Прим. ред.*

дней позже. Даже официальная капитуляция Германии имеет целых три даты. Генерал-полковник Альфред Йодль подписал безоговорочную капитуляцию 7 мая в Реймсе, в ставке генерала Дуайта Д. Эйзенхауэра. Хотя в этом документе победителями однозначно объявлялись западные союзные войска и Красная армия, Сталин настоял на повторении церемонии. Поэтому 9 мая Германия капитулировала еще раз; на этот раз акт о капитуляции подписал генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель в советской ставке в Карлсхорсте, в Берлине. А для учебников истории в странах-победительницах была выбрана третья дата — 8 мая, день, в который, собственно, ничего не произошло².

Для Вальтера Айлинга, напротив, «час ноль» не наступил даже через четыре года. Он продолжал отбывать наказание в тюрьме города Цигенхайн за нарушение Закона о борьбе с врагами народа. Этого официанта из Гессена в 1942 году арестовали за то, что он в Рождество купил гуся, три курицы и десять фунтов солонины. Участковый суд, рассмотревший дело в ускоренном порядке, приговорил его к восьми годам лишения свободы с последующим дополнительным содержанием под стражей до заключения экспертов об окончательном исправлении — за «пренебрежение законами экономики военного времени». После окончания войны Вальтер Айлинг и его близкие надеялись на скорое освобождение. Однако судебные органы и не думали пересматривать дело. Когда министр юстиции земли Большой Гессен, находившейся под военным контролем американцев, наконец отменил абсурдный срок наказания, судебные власти сочли, что отменен срок заключения, но не арест. Вальтер Айлинг остался в тюрьме. Все прошения об освобождении отклонялись со ссылкой на то, что заключенный Айлинг отличается неустойчивой психикой, склонен к заносчивости и пока еще нетрудоспособен.

В камере Айлинга власть национал-социалистического режима оставалась незыблемой до самого основания ФРГ и даже

дольше³. Подобные судьбы впоследствии сделали понятие «час ноль» предметом ожесточенных дискуссий. В главных офисах концернов, в университетских аудиториях и чиновничьих кабинетах как ни в чем ни бывало продолжала трудиться большая часть нацистской элиты. Такая преемственность власти вуалировалась разговорами о «часе ноль». С другой стороны, эти разговоры подчеркивали волю к строительству новой жизни и четкую нормативную цезуру между старым и новым государствами, хотя жизнь, естественно, продолжалась и тянула за собой широкий шлейф наследия Третьего рейха. К тому же понятие «час ноль» для многих было настолько очевидно связано с коренным переломом в их жизни, что оно не только сохранилось в быту, но даже переживает некий ренессанс в историографии⁴.

В то время как в камере Вальтера Айлинга по-прежнему господствовала преступная власть во всей ее жестокости, за стенами тюрьмы рухнули любые формы общественного порядка. Полицейские растерянно смотрели друг на друга и не понимали, полицейские они еще или нет. Кто был в форме, спешил поскорее ее снять и сжечь или перекрасить. Большие чиновники травились, маленькие выбрасывались из окон или вскрывали себе вены. Наступило безвременье; законы утратили силу, никто ни за что не отвечал. Никому больше не принадлежало ничего, кроме того, чем был прикрыт зад. За правопорядком тоже никто не следил. Старая власть бежала, новая еще не пришла — о том, что она рано или поздно придет, говорила лишь канонада. Даже самые возвышенные натуры принялись мародерствовать. Толпы людей взламывали продовольственные склады, прочесывали покинутые квартиры в поисках пищи и ночлега.

30 апреля берлинский дирижер Лео Борхард вместе с журналисткой Рут Андреас-Фридрих, врачом Вальтером Зайтцем и актером Фредом Денгером прямо посреди города, в котором кипели ожесточенные бои, обнаружил белого вола. Они только что благополучно пережили авианалет и, выбравшись из своих

Как выжить в большом городе: берлинец заготавливает дрова. Парк Тиргартен вырублен почти подчистую

укрытый, неожиданно увидели перед собой это сюрреалистическое зрелище: целое и невредимое животное с кротким взглядом больших воловьих глаз посреди дыма, огня и стихии разрушения. Обступив его, они осторожно отгеснили его во двор полуразрушенного дома, где несколько минут назад прятались от бомбежки. Но как быть дальше? Как четверем городским жителям с высшим образованием резать вола? Дирижер, говоривший по-русски, собравшись с духом, обратился к оказавшемуся поблизости советскому солдату за помощью. Тот застрелил вола двумя выстрелами из пистолета. Друзья нерешительно, вооружившись кухонными ножами, принялись за добычу. Однако очень скоро у них появились соперники. «Совершенно неожиданно, словно выскочив из преисподней, тушу животного обступила горластая толпа, — записала позже в дневнике Рут Андреас-Фридрих. — Они вылезли из своих подвальных нор — женщины,

мужчины, дети. Может, их привлек запах крови?» Через минуту толпа уже дралась из-за кусков мяса. Пять перепачканных кровью рук выдирали из глотки вола язык. «Вот, значит, как выглядит час освобождения, которого мы ждали двенадцать лет?..»⁵

Одиннадцать дней Красная армия пробивалась от пригородного поселка Мальхов у берлинской городской черты до последних центральных районов. Здесь, в столице, война тоже закончилась не везде одновременно. Марта Хиллерс, берлинская журналистка (впоследствии писавшая под псевдонимом «Безымянная», Анопула), 7 мая, движимая любопытством, отважилась проехать на велосипеде по разрушенному городу. Она проехала несколько километров на юг от Темпельхофа и вечером записала в свой дневник: «Там война кончилась на день раньше, чем у нас. Там уже можно видеть горожан, подметающих тротуары. Две женщины то тащили за собой, то толкали вперед черные обгоревшие медицинские носилки на колесах, которые, наверное, нашли под завалами. На носилках лежала укрытая одеялом старуха с белым бескровным лицом, но она была еще жива. Чем дальше я ехала, тем дальше отступала война. Там люди уже собираются на улицах, стоят и спокойно о чем-то болтают. У нас они еще боятся вылезать из щелей»⁶.

Когда белый вол был расчленен и разорван на куски, дирижер Борхард и его друзья вошли в какую-то разбомбленную квартиру и перерыли там все шкафы. Но вместо еды они нашли огромное количество порошка для приготовления лимонада и, развеселившись, набили им себе рты. Потом шутки ради все стали примерять одежду неизвестных хозяев квартиры по фамилии Машульке, о чем свидетельствовала табличка на двери, но вдруг устыдились собственной дерзости. Веселье прошло, они с тягостным чувством вчетвером улеглись в чужую супружескую кровать, над которой красовалась надпись, вышитая по шелку разноцветными нитками: «В гостях хорошо, а дома лучше».

На следующий день Рут Андреас-Фридрих отправилась в город проведать своих коллег, друзей, родственников. Она, как и все, жаждала новостей, сводок, оценок ситуации. Еще через несколько дней в Берлине стало настолько спокойнее, что она смогла вернуться в свою сильно пострадавшую квартиру. Из камней она соорудила на балконе импровизированную кухонную плиту, чтобы приготовить хоть какую-нибудь еду. Робинзонада в центре столичного города. Ни о каком газе или электричестве не могло быть и речи.

В своем дневнике она фиксировала резкие смены настроения. С Гитлером было покончено, наступило лето, и ей хотелось наконец сделать что-нибудь со своей жизнью. Ей не терпелось снова погрузиться в работу, применить свой дар наблюдения, свои литературные навыки. Со дня окончания войны прошло всего два месяца, когда она в приступе эйфории написала: «Весь город опьянен ожиданием. Жажда деятельности просто распирает, хочется иметь тысячу рук и тысячу мозгов. Американцы, англичане, русские уже здесь, французы, говорят, на подходе... Главное — что мы в эпицентре созидания. Что среди наших развалин встретились мировые державы и мы можем показать их представителям, как важно, как невероятно важно для нас сделать все возможное для искупления вины и возрождения Германии. Берлин работает на полную мощность. Если нас сейчас поймут и простят, мы будем готовы на любые подвиги и жертвы. На любые! Мы отречемся от национал-социализма, выберем новую жизнь, мы будем честно работать и честно жить. Мы еще никогда не были настолько созревшими для спасения»⁷.

Можно было бы предположить, что берлинцы чувствовали себя так же, как выглядел их город: разбитыми, побежденными, отправленными на свалку истории. Однако эта 44-летняя журналистка испытывает «опьянение ожиданием» — и далеко не она одна. В ее представлении весь город был готов, засучив рукава, окунуться в работу. Рут Андреас-Фридрих была членом

Берлин, 1945 год. Вид на разрушенную мемориальную церковь кайзера Вильгельма

маленькой группы сопротивления «Дядюшка Эмиль»; национальный мемориал «Яд ва-Шем» в Израиле увековечил ее как одного из «праведников народов мира». То есть среди немцев, готовых окунуться в работу, были не только бесчувственные, неспособные скорбеть. Со дня самоубийства Гитлера прошло всего два месяца, а Берлин, по свидетельству этой женщины, борющейся с национал-социалистическим режимом, уже в «эпицентре созидания», жаждет возрождения и прощения.

За этим криком души и жаждой возрождения стоит катастрофа, о подлинных масштабах которой многие еще даже не подозревают, — ее изучением и описанием занято уже третье поколение историков. Но эти масштабы по-прежнему невозможно вообразить. Никто не может представить себе, что

значит 60 миллионов погибших во время войны. Есть разные способы, позволяющие осмыслить эту цифру хотя бы со статистической точки зрения. Например, 40 тысяч человек погибли в огне во время бомбардировок Гамбурга летом 1943 года. Этот ад, глубоко врезавшийся в память из-за своей жестокой наглядности, уничтожил около трех процентов населения Гамбурга. Какой бы страшной ни была гамбургская трагедия, общеевропейское количество жертв превысило эти показатели более чем в два раза. Война стоила жизни шести процентам всех европейцев. В Польше была истреблена одна шестая часть населения — шесть миллионов человек. Больше всех пострадали евреи: в их семьях считали не убитых, а уцелевших.

Историк Кейт Лоу пишет: «Даже те, кто пережил войну, стал свидетелем чудовищной бойни, видел усеянные трупами поля или наполненные человеческими телами братские могилы, не могут постичь истинный масштаб массового уничтожения людей в Европе»⁸. Тем более в первые дни после окончания войны. Выходя из бомбоубежища с поднятыми руками, человек был просто не в состоянии адекватно оценивать бушевавший вокруг грозный хаос. Как из этого кошмара, особенно в Германии, которая во всем была виновата, вообще могло родиться что-то, хоть отдаленно напоминающее жизнь? Многие воспринимали как несправедливость сам факт того, что они выжили, и, образно говоря, ненавидели свое сердце за то, что оно продолжало биться.

А 26-летний Вольфганг Борхерт, который запомнился последующим поколениям как мрачный глашатай стороны обвинения, попытался превратить бремя дальнейшего существования в яростный манифест своего поколения. В 1941 году Борхерт был призван в Вермахт и отправлен на Восточный фронт, где не раз подвергался наказаниям за «высказывания, подрывающие боевой дух армии». Тяжело травмированный фронтовым и тюремным опытом, измученный запущенной болезнью печени, он в 1945 году, пройдя 600 километров пешком, вернулся в Гамбург.

Там он написал крохотный текст, всего на полторы страницы, — «Поколение, которое ушло, не попросившись». В нем он с отчаянной решимостью воспекает поколение, лишенное прошлого, которое словно оторвало снарядам. К нему уже были неприменимы законы психологии — то ли из-за его травмированности, то ли от непостижимости произошедшего, то ли в результате грубого вытеснения этой трагедии из сознания. «Поколение, которое ушло, не попросившись» — это манифест «часа ноль». «Мы — поколение, оторванное от мира, лишенное глубины. Наша глубина — бездна. Мы — поколение, лишенное счастья и родины, поколение, которое ушло, не попросившись. Наше солнце — узкий луч, наша любовь жестока, в нашей юности не было юности»⁹.

Рапсодический текст Борхерта, своим ритмом напоминающий монотонные удары тяжелого молота, проникнут эйфорической дезориентированностью. Автор не без гордости изображает холодное бесчувствие. Его поколение слишком часто прощалось с мертвыми, чтобы испытывать при этом какие-то чувства; в самом деле, имя этим прощаниям — легион. В заключительных строках текста говорится о силе, которую хотел найти в себе для будущего даже этот смертельно больной молодой человек: «Мы — поколение, не вернувшееся домой, потому что нам некуда было возвращаться. Но мы — поколение, прибывшее в конечный пункт. Может, этот пункт — совершенно другая, новая планета, новая жизнь. Жизнь под новым солнцем, с новыми сердцами. Может, мы прибыли в новую жизнь, к новым радостям, к новому богу. Мы — поколение, которое ушло, не попросившись, но мы знаем, что нам принадлежит если не будущее, то во всяком случае конечный пункт».

«Поколение, которое ушло, не попросившись» — это поэтическая декларация основных жизненных принципов уцелевших в катастрофе, которые не имеют душевных сил, чтобы оглянуться назад. Шокирующий отказ многих немцев задаваться вопросом, как такое могло произойти, здесь возводится в ранг доктрины.

Пережитое становится *tabula rasa*, свободным местом для новых записей, для «нового бога». Конечным пунктом на новой планете.

Слово «вытеснение» — своего рода эвфемизм. На самом деле это осознанная программа, решительное подведение черты и упоение новым стартом. Вольфганг Борхерт прекрасно понимал, что *tabula rasa* — это иллюзия. И что такое мучительные воспоминания, ему тоже не надо было объяснять. Забвение — вот главная утопия тех дней.

Написанное в конце 1945 года стихотворение Гюнтера Айха «Инвентаризация» приобрело даже статус своеобразного манифеста. Человек перечисляет свои пожитки, свое «приданое» для новой жизни:

Вот моя фуражка,
вот моя шинель,
вот моя бритва
в холщовом мешочке.

<...>

В моем подсумке пара
носков шерстяных
и что-то, о чем
не скажу никому.

<...>

Вот мой блокнот,
вот мой дождевик,
вот мой утиральник,
вот моя дратва*.

* Пер. Юрия Лифшица.

Это стихотворение благодаря своей вызывающей лаконичности стало хрестоматийным примером послевоенной литературы. Представители так называемой литературы руин отвергали пафос, потому что сами когда-то злоупотребляли им и теперь чувствовали себя жертвами самообмана. В руинах лежала и способность испытывать восторг. Люди теперь предпочитали лишь самое простое и свое собственное, то, что можно положить на стол, — таково было лирическое воззвание «скептического поколения», как окрестил это поколение с его ментальной амбивалентностью в 1957 году социолог Гельмут Шельски, что вызвало громкий резонанс¹⁰. Лирическая инвентаризация Гюнтера Айха тоже обходит стороной воспоминания: автор не берет с собой в новую жизнь ничего, кроме недоверия и самых простых вещей — шинели, карандаша и дратвы (и чего-то, «о чем не скажу никому», — слова, которые являются, по сути, ключевым моментом стихотворения).

Марта Хиллерс в своем дневнике тоже занималась «инвентаризацией». Этот дневник приобрел известность благодаря холодному лаконизму и предельной откровенности, с которой Хиллерс описывала шквал изнасилований, обрушившийся на немецких женщин с приходом Красной армии. «Час ноль» остался в ее памяти как непрекращающийся сексуальный террор. Когда наконец все было позади, она 13 мая подвела итог: «С одной стороны, дела мои не так уж плохи. Я свежа и здорова. Физически совершенно не пострадала. У меня такое чувство, что я приобрела важные для дальнейшей жизни качества и свойства — что-то вроде перепонки для плавания в навозной жиже. Я вписываюсь в окружающий мир, я не боюсь испачкаться... С другой стороны — одни минусы. Я не понимаю, зачем мне жить дальше. Я никому не нужна, я просто торчу на месте и жду, не вижу перед собой ни цели, ни задач». Она проигрывает в уме несколько вариантов: уехать в Москву? Стать коммунисткой? Или художницей? Ни один вариант ее не устраивает. «Любовь?

Любовь втоптана в грязь... Искусство? Оно для тех, у кого есть к нему призвание, а я всего лишь жалкий ремесленник и должна довольствоваться этой скромной ролью. Единственное место, где я могла бы быть полезной и желанной, — это узкий круг друзей. Остальное — просто ожидание конца. И все же жизнь, эта странная и темная авантюра, меня манит. Я продолжаю жить хотя бы из любопытства. И потому, что мне приятно дышать и чувствовать свое здоровое тело»¹¹.

А что же Фридрих Люфт? Театральный критик, который вышел из подвала с поднятыми руками и белой повязкой на рукаве и пошел навстречу русским солдатам, тоже продолжал жить, движимый ненасытным любопытством. Он регулярно писал иронические заметки для основанной в сентябре 1945 года берлинской газете Tagesspiegel под псевдонимом Урбанус. Речь в них шла об эротическом флюиде большого города, о красивой весенней одежде, о напряженном ожидании, с которым по утрам встречают почтальона.

Фридрих Люфт был «голосом критики» на западноберлинском радио RIAS*. С февраля 1946 по октябрь 1990 года, почти до самой смерти, он каждую свою еженедельную передачу заканчивал фразой, которая бальзамом ложилась на души слушателей, потому что воспринималась как символ надежности и стабильности: «Встретимся через неделю. Как всегда. В то же время, в том же месте, на той же волне».

Фридрих еще не одно десятилетие жил со своей женой, художником-графиком, в том самом доме, из подвала которого вышел в 1945 году. В начале семидесятых годов Хайде Люфт часто тянуло в пивную на Винтерфельдтплац неподалеку от их дома. Эта пивная называлась «Руина». Впрочем, она не только так называлась — она и была руиной. Переднюю часть и внутренности дома уничтожила бомба, а уцелевшие зазубренные

* Rundfunk in amerikanishen Sektor — «Радио в американском секторе». — *Прим. ред.*

стены создавали причудливый антураж для маленькой пивной под открытым небом. В примыкающем к нему сзади здании располагался ресторан, в котором обычно яблоку негде было упасть. Из засыпанного подвала росло дерево. На ветвях его сам бог велел повесить пару лампионов. В начале семидесятых эта пивная была излюбленным местом встреч начинающих литераторов, большей частью студентов. Необычный антураж вызывал иллюзию, как будто война только закончилась. Пока ее муж шлифовал дома свои тексты для радио, фрау Люфт сидела в своей элегантной шубке среди длинноволосых юношей, была не прочь немного поболтать, всегда во всеоружии остроумия, охотно угощала собеседников. Она принадлежала к числу многих, кто любил возвращаться в «час ноль», каждый по-своему.

Глава вторая

Среди развалин

Кто и когда все это расчистит?

Стратегии расчистки завалов

Война оставила в наследство Германии около 500 миллионов кубометров развалин. Чтобы было легче представить себе этот объем, люди прибегали к различным сравнениям и расчетам. Газета *Nürnberger Nachrichten* предлагала в качестве примера Цеппелинфельд — часть обширной территории, на которой проходили съезды НСДАП. Если разместить все обломки строений на этом квадратном поле со стороной 300 метров, получилась бы гора высотой 4 тысячи метров, вершина которой была бы покрыта вечными снегами. Другие мысленно возводили из берлинских обломков — 55 миллионов кубометров — огромный вал шириной тридцать и высотой пять метров, который, по их расчетам, протянулся бы до Кёльна. С помощью подобных арифметических упражнений люди пытались осмыслить чудовищные масштабы разрушений. Те, кому довелось побывать в свое время в полностью разрушенных городах, таких как Дрезден, Берлин, Гамбург, Киль, Дуйсбург или Франкфурт, просто не в состоянии были представить себе, что все это можно когда-нибудь расчистить, не говоря уже о восстановлении. На каждого уцелевшего жителя Дрездена приходилось по 40 кубометров строительного

мусора. И этот мусор отнюдь не был компактно уложен кубометрами — развалины простирались во все стороны до границ города, и передвигаться между ними было далеко не безопасно. Обитателям этих руин, многие из которых жили всего в трех стенах и без крыши, чтобы попасть к себе домой, приходилось карабкаться по высоким горам из обломков зданий и ходить посреди отдельно стоящих стен, которые в любой момент могли рухнуть. Над головами жильцов грозно нависали стальные балки с остатками кладки; часто из стены торчал бетонный пол, держащийся на честном слове. А внизу играли дети.

Поводов для отчаяния было предостаточно. Однако большинство немцев не могло себе позволить ни минуты растерянности. 23 апреля 1945 года — война официально еще не закончилась — в информационном бюллетене в Мангейме было опубликовано воззвание к горожанам «Мы восстанавливаем город»: «Пока мы ставим перед собой очень скромные задачи, потому что сначала нужно устранить горы обломков, чтобы добраться до земли, на которой можно будет приступить к строительству. Лучше всего начать с расчистки завалов и прежде всего, как говорится в известной пословице, убрать мусор перед собственным порогом. С этим мы как-нибудь справимся. Труднее будет, когда люди начнут возвращаться к родным очагам, от которых ничего не осталось. И тут придется, засучив рукава и мобилизовав весь столярский и плотницкий опыт, пилить, строгать и стучать молотками, пока эти хижинки вновь не станут пригодными для проживания... Самопомощь возможна лишь при условии, что у вас имеется кровельный материал. Чтобы как можно скорее и как можно больше людей обрели жилье, всем необходимо незамедлительно сдать весь оставшийся с лучших времен стройматериал в строительный комитет... Так мы намерены восстанавливать город, сначала малыми темпами, шаг за шагом, сосредоточившись прежде всего на окнах и крышах, а дальше будет видно»¹.

Мангейм нещадно бомбили британцы, и половина домов была разрушена, но, благодаря почти безупречной системе бомбоубежищ, погибло всего полпроцента населения. Может быть, этим и объясняется странное веселье, с которым авторы звания изображают столярно-плотницкую идиллию. В других городах тоже сразу после окончания боевых действий принялись за расчистку завалов с воодушевлением, которое сторонним зрителям казалось почти зловещим.

Главный девиз гласил: «Сначала надо снова почувствовать почву под ногами», что буквально означало «добраться до земли». Как ни странно, но некое подобие относительного порядка в этом каменном хаосе удалось восстановить довольно быстро. Были расчищены узкие проходы, по которым можно было хоть как-то передвигаться. В разрушенных городах возникла новая топография улиц, больше похожих на горные тропы. Посреди пустынь строительного мусора возникли оазисы, расчищенные от завалов. Некоторые улицы были настолько тщательно убраны, что булыжная мостовая блестела, как в былые времена, а на тротуарах красовались аккуратные штабеля обломков, с педантичной точностью рассортированных по размерам. Во Фрайбурге-им-Брайсгау, который и без того всегда славился своей стерильной чистотой («Во Фрайбурге красота — порядок и чистота», гласит заимствованный у Иоганна-Петера Хебеля девиз этого города), так любовно складывали обломки перед руинами, что это вносило в апокалиптический пейзаж чуть ли не ноту своеобразного уюта.

На одном фотоснимке 1945 года, сделанном Вернером Бишофом, какой-то по-воскресному одетый мужчина идет по этой чисто выметенной преисподней. Он снят со спины. Черная шляпа сдвинута на затылок, заправленные в высокие сапоги рейтузы в сочетании с элегантным пиджаком придают ему сходство с ротмистром. В руке у него плетеная корзинка, словно он идет за покупками, из-за чего фотография получила название

«Мужчина в поисках пищи». Его бодрая походка и осанка выражают оптимизм и решимость; внимательный и любопытный взгляд устремлен вверх, и все это производит трогательное впечатление — мы словно видим кадр из какого-то совершенно другого фильма.

Все так и было, и в то же время все было совсем не так. У немцев было достаточно времени, чтобы привыкнуть к разрушениям, и они уже имели определенные навыки в расчистке завалов. Ведь они начали заниматься этим не в конце войны. С самого начала первых бомбежек, еще в 1940 году, им приходилось после жестоких авианалетов расчищать улицы и наводить хоть какой-то временный порядок. Правда, тогда в их распоряжении было огромное количество военнопленных и заключенных, которых они безжалостно использовали как рабочий скот, заставляя трудиться в нечеловеческих условиях. Сколько из них при этом погибало, в последние месяцы войны уже никто не считал. Теперь же немцы должны были выполнять эту работу сами. Естественно, они старались в первую очередь привлечь к этой повинности главных виновников катастрофы. В первые послевоенные недели почти повсеместно союзники и немецкие бургомистры организовывали трудовые десанты с использованием членов НСДАП, которые должны были работать на расчистке. В Дуйсбурге в начале мая по городу были расклеены объявления о том, что членам НСДАП вменяется в обязанность «участвовать в очищении улиц от завалов». «Все препятствия, мешающие проходу и проезду граждан, должны быть немедленно устранены членами партии, а также лицами, сочувствовавшими нацистской клике. Они обязаны сами обеспечить себя необходимым инструментом»². Нацисты поименно получали соответствующие указания, сопровождавшиеся угрозой: «В случае отказа явиться на работы вашу явку обеспечат выпущенные на свободу политические заключенные».

«Мужчина в поисках пищи», 1945, Вернер Бишоф

Впрочем, надо отметить, что эти приказы отдавались не британской военной администрацией и не бургомистром Дуйсбурга. Подписаны они были «Комитетом восстановления», за которым стоял так называемый Антифашистский комитет — объединение противников национал-социализма, которые стремились без всяких бюрократических процедур взять в свои руки денацификацию и восстановление Германии. В отличие от других городов, где антифашистские комитеты в первое время действовали в тесном сотрудничестве с городской администрацией, дуйсбургский бургомистр усмотрел в этих карательно-исправительных мероприятиях посягательство на свою власть и попытался отменить их собственными объявлениями, однако в условиях хаоса и неразберихи не смог добиться успеха; самопровозглашенному «Комитету восстановления» и в самом деле удалось несколько раз принудить внушительное количество возмущенных членов НСДАП к участию в воскресниках.

Хотя подобные штрафные акции против национал-социалистов, инициированные гражданскими комитетами, оставались, скорее, частными случаями, дуйсбургский пример показывает, что немцы все же не были закостенелой однородной массой, какой они стали представлять себя позже. Однако описанная ситуация характерна для административного хаоса первых послевоенных месяцев. Союзники, заняв очередной регион, сразу же автоматически снимали действующих бургомистров и наспех назначали новых для обеспечения хотя бы элементарного порядка. В лучшем случае они предварительно выясняли, кто занимал эту должность до 1933 года, или привлекали к административной работе бывших социал-демократов. Иногда немецкие граждане сами предлагали свои услуги — по разным причинам, нередко из идеалистических соображений. Часто они оставались у власти всего несколько дней, потому что их кандидатуры не устраивали ведомства, которые занимались денацификацией.

Во Франкфурте-на-Майне журналист Вильгельм Хольбах, например, продержался на своей должности бургомистра довольно долго — 99 дней. Он стал главой города совершенно случайно: рассудив, что лучше слишком рано, чем слишком поздно, он сразу после капитуляции отправился в штаб-квартиру американской военной администрации, чтобы получить разрешение на открытие газеты. Разрешение американцы ему не дали, зато тут же предложили пост бургомистра, потому что как раз ломали себе голову над подходящей кандидатурой и очень обрадовались неожиданному появлению Хольбаха. И, как оказалось, Франкфурту повезло: едва успев приступить к исполнению своих обязанностей, Хольбах организовал комитет по использованию обломков в восстановительных работах, который начал расчистку завалов довольно поздно, но зато очень эффективно.

Меньше повезло писателю Гансу Фалладе, тоже на скорую руку назначенному бургомистром в мекленбургской деревне

Фельдберг. Сначала русские хотели расстрелять его или отправить за колючую проволоку, потому что нашли в его огороде брошенную кем-то эсэсовскую форму, но во время допроса быстро убедились, что более подходящей кандидатуры на пост бургомистра им не найти. Так отпетый пьяница и морфинист в одночасье стал связующим звеном между крестьянами, бургерами и оккупантами. Чаще всего ему приходилось заниматься экспроприацией запасов и организацией общественных работ. Через четыре месяца, не выдержав бремени этой неблагодарной миссии, он угодил в больницу в Нойштрелитце и в Фельдберг уже не возвращался, тем более что его подчиненные, воспользовавшись отсутствием бургомистра, разграбили его дом³.

Если бургомистров и других чиновников сначала увольняли, то администраторов среднего и младшего звена, как правило, пока оставляли на местах; так представители военной администрации стран-победительниц могли первое время не думать о проблемах городского управления. Хаос и рутина находились в некотором равновесии. И, хотя еще было неясно, в каком направлении Германия будет развиваться дальше, пока что чиновники действовали по привычным правилам.

Глубина потрясения странным образом контрастировала с их административной ловкостью. Службы, отвечавшие за расчистку завалов, — комитет по расчистке, комиссия по восстановительным работам, служба разбора завалов⁴, строительно-восстановительный комитет и т. п. — были те же, что и во время войны. Там рассуждали следующим образом: «Если раньше были принудительные работы, почему бы не организовать их и сегодня? Надо только запросить в соответствующих инстанциях бесплатных рабочих. Кто-то же должен убирать все это дерьмо». Раньше это были русские или евреи, сейчас будут немцы — какая разница? Главное — результат. И местные городские власти стали получать рабочую силу уже не от СС, а от представителей американской или британской военной администрации, которые охотно постав-

ляли им своих немецких *prisoners of war**⁵. Любопытно было бы узнать, как себя при этом чувствовали немецкие бургомистры. Было им это безразлично или они все же испытывали угрызения совести? Хотя особых оснований у них для этого не было, ибо какой бы тяжелой ни была жизнь в лагерях для интернированных, она могла показаться курортом после эсэсовских лагерей для военнопленных. Не говоря уже о том, что заключенные американцев и британцев не рассматривались как «расходный материал» и не подвергались целенаправленному уничтожению тяжелой работой, как это практиковалось в концентрационных лагерях.

На разборе огромных гор из обломков, в которые превратился Берлин, подневольный труд тоже стал нормой. В первые дни после начала оккупации широко использовался труд добровольцев. Их было немало, потому что после работы они получали тарелку супа. Потом дошла очередь до членов НСДАП. Находить их было не трудно, поскольку районные управления городской администрации прервали работу всего на несколько дней во время штурма Берлина. Руководили ими члены группы Ульбрихта и другие коммунисты, вернувшиеся вместе с Красной армией, чтобы восстановить городскую жизнь и укрепить доверие к русской военной администрации. В поисках членов нацистской партии им помогали старосты домов и улиц, назначенные в первые же дни оккупации.

Среди первых откомандированных на принудительные работы была и восемнадцатилетняя секретарша Бригитте Айке. Она была членом СНД**⁶, вступила в партию перед самым падением гитлеровского режима и теперь должна была расплачиваться за это участием в «нацистском трудовом десанте». 10 июня 1945 года она записала в своем дневнике:

* «Военнопленные» (англ.) — *Прим. пер.*

** Союз немецких девушек — женская молодежная организация в нацистской Германии. — *Прим. ред.*

«Нам было приказано явиться на Эсмарх-штрассе в половине седьмого утра. Меня удивляет, что наших вожатых из СНД и других девушек из нашего района, которые тоже были в партии, например Хельги Дебо, там не оказалось. Им удалось как-то отвертеться. Похоже, они большие мастера пускать пыль в глаза. Это ужасно несправедливо. Нам нужно было на станцию „Вайсензее“, но там уже было полно народа, и они отвели нас назад, на бульвар, где горы обломков и мусора выше человеческого роста. Попадались даже человеческие кости. Мы работали до 12 часов, потом два часа отдыхали и снова работали. А сегодня была такая чудесная погода, все вокруг гуляли и проходили мимо нас... Мы работали до десяти часов вечера. Это ужасно долго, особенно когда на тебя смотрят все прохожие. Мы старались стоять спиной к улице, чтобы не видеть их злорадные ухмылки. Хотелось плакать. Хорошо, что среди нас было несколько человек, которые сами не теряют чувства юмора и другим не дают вешать нос»⁶.

Конечно, берлинское строительное управление и военная администрация понимали, что для уборки 55 миллионов кубометров обломков эти принудительные работы — капля в море. Чтобы перевести решение задачи на профессиональный уровень, стали привлекать строительные фирмы. В зависимости от политической ситуации их либо принуждали к выполнению тех или иных работ, либо заключали с ними контракты. Во всех четырех оккупационных зонах стали нанимать чернорабочих, которые разгребали эти каменные пустыни за низкую плату, а главное — за вожделенные продуктовые карточки для трудящихся, занятых на особо тяжелых работах.

Особую роль в послевоенные месяцы сыграли женщины, работавшие на расчистке завалов. Больше всего их было в Берлине, где тяжелая работа вообще стала «привилегией» женщин⁷. В самый разгар работ по расчистке там трудились 26 тысяч женщин и всего 9 тысяч мужчин. Сотни тысяч солдат пали на войне

или находились в плену, и в Берлине нехватка мужчин ощущалась гораздо острее, чем в других городах, потому что Берлин еще до войны был столицей одиноких женщин, преимущественно провинциалок, которых манили запах бензина и свободы и возможность зажить самостоятельно, освоив одну из новых женских профессий. Теперь же труд на расчистке завалов стал единственным средством получить нечто лучшее, чем обыкновенная продуктовая карточка с ее семью граммами жира в день, едва спасавшими от голодной смерти.

В то же время на западе Германии женщин очень редко привлекали на работы по расчистке улиц. Там принудительный труд применяли прежде всего в рамках денацификации и воспитательно-профилактических мероприятий в отношении «девушек сомнительного поведения, а также часто меняющих половых партнеров». А то, что женщины, работавшие на расчистке завалов, все же стали легендой послевоенного восстановительного периода, связано с незабываемым впечатлением, которое производил их труд среди руин. Если уж сами руины были фотогеничными, то эти женщины — и подавно. На наиболее известных снимках того времени их можно видеть стоящими цепью на развалинах и передающими друг другу ведра со строительным мусором, который внизу, на дороге, сортируют и складывают подростки. Они в фартуках или просто в платьях, в косынках с узлом на голове; из-под платьев выглядывают грубые сапоги.

Подобные картины врезались в память, потому что эти цепи женщин, передающих друг другу ведра с камнями, стали великолепной метафорой коллективизма, который был так необходим населению погибшей страны. Какой контраст! Груды развалин с одной стороны — и сплоченность борющихся с ними людей с другой! Восстановление городов на этих фото приобрело героически-эротический характер — с этими образами было легко отождествлять себя, и этим трудом можно было гордиться, несмотря на поражение. Женщина в фартуке и в грубых ра-

бочих сапогах на гудах развалин — иконографический антипод «фройляйн», американской «подстилки» — другого стереотипа, который столь же крепко засел в коллективной памяти.

Кое-кто из этих женщин вызывающе показывает фотографию или кинооператору язык. На некоторых из них нарядные платья из легких цветных тканей с белыми воротничками — совсем не для грязной работы. Это, скорее всего, означает, что у хозяйки просто не осталось ничего другого. Отправляясь в бомбоубежище или в эвакуацию, люди обычно берут с собой самое ценное из всего, что имеют. Свои лучшие платья женщины берегли до последнего, до лучших времен. И вот они наступили...

В других случаях нарядность женщин связана с постановочным характером снимков. В некоторых сценах киножурналов женщины перебрасываются друг с другом обломками и камнями так изящно и уверенно, словно это тренировка по гимнастике. Зрелище весьма эффектное, но недостоверное и довольно нелепое. Однако особенно лживы и фальшивы снимки, сделанные в разбомбленном Гамбурге еще по указанию Геббельса. Там женщины, «работающие» на расчистке завалов, так весело смеются в объектив, бросая кирпичи, что только самый наивный зритель может принять это за чистую монету. На самом деле это были актрисы⁸.

Холодно, без всякого умиления и даже сочувствия смотрит американская фотожурналистка Маргарет Бёрк-Уайт на немецких женщин, изнемогающих от тяжелой и грязной работы среди руин. «Эти женщины образовали живой конвейер, какие можно видеть по всему городу, и передавали друг другу ведра, наполненные кирпичами и обломками, с такой привычной неторопливостью — как в замедленной съемке, — что у меня возникло ощущение, будто они сознательно выбрали минимальный темп, при котором это еще может считаться работой и обеспечить им надежный заработок: 72 пфеннига в час»⁹, — писала она в 1945 году в Берлине в одном из своих репортажей.

Да, первые, наспех организованные, мероприятия по расчистке завалов были не очень эффективными. Часто женщины просто сбрасывали строительный мусор в шахту ближайшей станции метро, откуда его потом с огромным трудом убрали другие. В августе 1945 года берлинский магистрат обратился к районным властям с призывом прекратить практику «бесконтрольных живых конвейеров», положить конец «примитивным самодеятельным инициативам по расчистке завалов», которые отныне надлежало проводить под руководством строительных комитетов, на профессиональном уровне.

«Профессиональная» крупномасштабная расчистка завалов предполагала создание эффективной транспортной системы, с помощью которой строительный мусор можно было бы вывезти из города на специальные свалки. Для этой цели использовали маленькие локомотивы, которые раньше применялись в сельском хозяйстве, а теперь таскали по городу крохотные вагончики по временно уложенным рельсам. Дрезденцы проложили сразу целых семь таких узкоколеек. Одна из этих линий, T1, шла от центра города до свалки на бывшем стадионе Острагехеге. Сорок локомотивов с женскими именами колесили по городу. Время от времени они сходили с наспех проложенных рельс, но в общем и целом все шло гладко и было прекрасно организовано — главные и второстепенные линии, станции смены локомотивов, площадки для погрузки и разгрузки. Эту странную железную дорогу, поезда которой курсировали посреди черных обуглившихся останков Дрездена, словно в призрачной Нетландии, обслуживали почти 5 тысяч сотрудников. Последний рейс состоялся в 1958 году, что считается официальным окончанием расчистки Дрездена. Впрочем, даже к тому времени расчищены были далеко не все районы. И хотя еще в 1946 году значительная часть территории города в центральных районах была настолько чисто «выметена», что Эрх Кестнер почти час шел по городу, прежде чем наконец увидел первый относительно сохранив-

Частью «профессиональной масштабной уборки завалов» было строительство транспортной системы. Дрезденская железная дорога состояла из семи узкоколейных линий с 40 маленькими локомотивами, и все они носили женские имена

шийся дом¹⁰, последняя бригада, работавшая на расчистке завалов, смогла завершить свою работу лишь в 1977 году, через 32 года после окончания войны¹¹.

Завалы изменили топографию городов. В Берлине возникли морены из развалин, которые стали продолжением своих естественных сестер на севере города. На территории бывшего оборонно-технического факультета в течение 22 лет ежедневно до 800 самосвалов сгружали строительный мусор, в результате чего выросла так называемая Чёртова гора, самая высокая точка местности в Западном Берлине.

Работы по расчистке завалов наложили определенный отпечаток на дальнейшее экономическое развитие городов. Тот факт, что Франкфурт, вопреки ожиданиям, не стал в 1949 году столицей ФРГ, зато стал «столицей экономического чуда», неразрыв-

но связан именно с устранением завалов. Жители города показали, что на строительном мусоре можно зарабатывать деньги. Правда, сначала все выглядело так, как будто там вообще ничего не происходило. В то время как в других городах в первые же дни жителей призвали, не мешкая, браться за лопаты, франкфуртские городские власти все поставили на научную основу. Они думали, анализировали, экспериментировали. Граждане уже начали возмущаться, потому что город был погружен в хаос и, как им казалось, никто ничего не предпринимал. В других городах на расчистке работают толпы народа, а во Франкфурте ничего не делается, «чтобы привести город в божеский вид», говорилось в заявлении, с которым обратились в магистрат представители профсоюзов. Однако кажущаяся бездеятельность властей вскоре принесла свои плоды. Франкфуртские химики установили, что термическая обработка строительного мусора дает возможность добывать гипс, из которого затем можно получать диоксид серы и оксид кальция, а конечный продукт этого процесса — шлаковую пемзу — можно успешно продавать как присадку для цемента.

Совместно с акционерным обществом Philipp Holzmann город основал компанию по утилизации строительного мусора (TVG*), которая начала разборку завалов с опозданием, но зато гораздо эффективнее. После запуска предприятия по переработке кирпичей, бетона, арматуры и стекла стало возможно использование в строительстве даже мелкого щебня, который в других городах просто ссыпали в кучи. Благодаря построению частно-государственного партнерства, как это называли бы сегодня, Франкфурту удалось радикально снизить строительно-ремонтные расходы и к тому же получить существенную выгоду: с 1952 года TVG уже приносила прибыль¹². Экономическое процветание города, о котором сегодня красноречиво

* Сокращенное нем. *Trümmerverwertungsgesellschaft*. — Прим. ред.